

Глава 1

Солнце склонялось к западу, на вершины гор пал темно-лиловый свет. Каменные острия вспыхнули огнем, словно железные наконечники стрел в раскаленном горне. На долину пала прозрачная пепельная тень, а высоко в небе застыли привычно мелкие багровые облака. Кудрявые ползут ниже долины, на них можно взглянуть с края обрыва. Здесь, в Городе Драконов, знают, что кучерявые никогда не поднимаются над вершинами, а вот эти растрепанные, мелкие, похожие на разметанные ветром перья, брезгают опускаться ниже...

Из дома войта вышел громадный человек, зевнул, посмотрел, щурясь, на багровый диск солнца. Мальчишки зашептались почтительно:

— Ратша!

— Ратша вышел!

— А правда, что дракона тащил за хвост?

Иггельд с почтительным трепетом рассматривал великого воина. Ратша — латник, что значит — в латах с головы до ног. Шлем сверху круглый и блестящий, как яйцо, без всяких плюмажей, как у беров или беричей, из-под шлема на плечи, грудь и спину опускается кольчужная сетка. Латы простые, скрепленные кожаными ремешками, но в щель между ними попасть не так просто, если не привязать его к дереву. Меч тоже прост, похож на меч великого богатыря Дуная, разве что самую малость потяжелее, зато щит — металлический. Хотя нет, основа деревянная, как будто бы взяли щит Дуная, а сверху наложили листы из металла, умело приклепали.

Эти же латы укрывают его до середины голени, там дальше защиту принимают сапоги. Простые, правда, без железа, но прятать и ступни — уж слишком.

Простое бесхитрое лицо всегда дышало сдержанным мужеством. Он добр, Иггельд дважды налетал на него с

разбегу, и ни разу Ратша не дал пинка. Только они двое, великий воин Ратша и он, Иггельд, проводили все свободное от домашней работы время в питомнике, в то время как остальные мужчины и мальчишки находили дела поинтереснее: мужчины сидели в корчме, а мальчишки играли в набег, в колдунов, брали в осаду черные башни или умело их же защищали. Самым почитаемым человеком во всем городе был Теодорик, в недавнем войт, староста, а недавно пожалованный именован берича.

Однажды в самом деле дракон не пожелал подчиниться смотрителю, торопливо побежал к котловану и уже сунулся было туда, но Ратша, что оказался вблизи, ухватил одной рукой за хвост, другой уцепился за каменный выступ, и все видели страшный поединок, когда дракон ревел и тупо стремился попасть в родимый котлован, лапы бессильно скребли по камню, а Ратша, покраснев от натуги и растопырившись, как распятый, удерживал за хвост, пока не прибежали другие смотрители. Общими усилиями утихомирили дракона и все-таки заставили что-то там выполнить, настаивать надо всегда, дракон очень быстро понимает, что если не противиться, то его оставят в покое или позволят не слушаться.

Иггельду показалось, что Ратша улыбнулся уголком губ, узнал, и детское сердце запрыгало от счастья. Ветерок донес тяжелый запах сильных зверей. Земля чуть вздрогнула, это со вздохом обрушился, задев каменную стену, дракон. Они всегда, нацелившись прилечь, обрушиваются на землю, будто подламываются лапы. Или будто совсем уж покидают силы. И каждый раз вздыхают так горестно, что кто-нибудь из смотрителей обязательно говорит иронически сверху, мол, да, все верно — тяжелая жизнь у драконов: ешь да спи!

В долине двенадцать вырубленных в каменной толще глубоких котлованов. И достаточно широких, чтобы дракон мог не только поворачиваться, но и делать хотя бы пару шагов из стороны в сторону. Две трети сейчас пустые, в трех выращивают молодых драконов, а в четвертом уже немолодая дракониха, усталая и потертая, неделю назад одраконилась, как говорят, сейчас там копошатся крохотные толстенькие, пока еще слепые существа, похожие не столько на драконов, сколько на крупных неуклюжих жаб.

Иггельд вместе с другими детьми бегал первые дни к котловану, свешивался через каменную ограду и до рези в глазах

всматривался в полутьму. Другим детям быстро наскучивало, уносились играть, а он все всматривался, глаза наконец привыкали, начал не только различать крохотных дракончиков, но и постепенно научился отличать друг от друга.

Дядя Ортард, у которого жил, на него не обращал внимания, довольствуясь тем, что дал сироте кров и хлеб, своих забот хватает. Из родни Иггельда никого не осталось: отец и мать, как и два старших брата, погибли во время одного из налетов артан на Нижнюю Куявию, что сожгли всю деревню и перебили жителей. Дядя тогда был на охоте и сумел спрятаться в лесу, а Иггельд с сестренкой Яськой вдали от домов тихохонько удили рыбу. Детей попросту не заметили в густых камышах, а потом, когда они вернулись и застали только пепелище, их увел с собой Ортард, тоже осиротевший. Вообще-то не дядя, просто сосед, но пока брели через всю Куявию, стали считать родным дядей. Яську пристроил по дороге в доме одинокой семьи, чьи дети не выживали, а с Иггельдом шел, пока не уперся в горы, но и тогда взобрался как можно выше, чтобы проклятые артанские дикари уж точно сюда не пришли и чтобы не пришлось пережить ужас потери родных и близких. Здесь еще раз попробовал начать сначала, женился на одинокой женщине с ребенком, мальчиком старше Иггельда, да еще прижили троих, двое выжили, и с рождением каждого на Иггельда обращали внимания все меньше. Так что был предоставлен сам себе, сам находил себе занятие, друзей, игры.

Сейчас Иггельд, свесившись через край, следил, как дракониха облизывала детенышей огромным розовым языком. Жалобно попискивая, все теснились, отталкивая друг друга, старались пробиться к задним соскам, где молока больше. Молока на всех не хватит, еще в первую же неделю половина умрет от голода, Иггельд это знал, сердце сжималось от жалости, хотелось плакать и хотя бы ухватить этих бедненьких малышей на руки и погреть за пазухой.

Дракониха несколько раз поднимала голову и смотрела на него, сперва враждебно, потом взглядывала лишь в первый момент, когда появлялся. За несколько дней, что торчал над краем котлована, свесивши голову, привыкла к нему, как и к

большой корзине, в которой ей раз в день опускают большие глыбы мяса.

Корзина устроена таким образом, что, если дернуть за веревку, днище раскрывается, мясо вываливается прямо перед мордой драконихи, чтобы меньше двигалась и не давила детенышей. Правда, все равно встает раз в сутки, уходит в дальний угол котлована, где журчит, уходя в стену, вода, присаживалась, и в это время даже Иггельд отшатывался от поднимающейся снизу вони. Но тут уж ничего не поделаешь, надо, хотя и в этом случае все равно следила издали за детенышами, а когда возвращалась, ложилась на подстилку медленно и бережно, прислушиваясь, не пискнет ли протестующе снизу.

Уже со второго дня Иггельд научился различать детенышей, а их двенадцать, заранее мог сказать, какие выживут, а какие умрут от голода, сердце сжималось от жалости. Особенно несчастным выглядел крохотный дракончик, весь черный, в то время как остальные либо благополучно серые, либо серые с зеленым, а этот совсем черный, вечно опаздывал, его всегда отталкивали, а к соскам попадал, когда оттуда уже вытягивали молоко до последней капли.

Он слабел день ото дня, на пятый Иггельд чуть не со слезами на глазах смотрел, как крохотный дракончик, жалобно попискивая, пытается ползти к матери. Задние ноги волочатся, как перебитые, с трудом подтягивался на передних лапках, ему холодно и страшно. Мать в это время вылизывала другого, Иггельд метнулся к корзине, вскочил, быстро-быстро закрутил колесо, опускаясь вниз.

Дракониха головы не подняла, смотрела пристально громадными злыми глазами. Иггельд подхватил черненького жалобного дракончика, сделал три быстрых шага и приложил к соскам матери.

Высоко вверху кто-то сдавленно ахнул. Иггельд держал черненького, приговаривал умоляюще:

— Ешь!.. Ну ешь же!.. Не умирай, ешь!..

Совсем ослабевший дракончик наконец захватил уже белыми бескровными губами сосок. Иггельд освободил одну руку, слегка прижал теплое вымя. Густое молоко пошло дракончику в рот, фыркнул, закашлялся, вяло мотнул головой. Глаза вытаращились, слабо махал передними лапками, стараясь высвободиться.

— Ешь, — говорил Иггельд, едва не плача. — Ешь, вот мо-

локо... Ешь!.. Ешь, мой чернышик, чернушик, чернышонок... Я не хочу, чтобы ты умирал!

Дракониха повернула голову, глаза грозно сверкнули. Дыхание стало громче, почти сделала попытку приподняться и достать дерзкого зубами, но вздохнула и опустила голову на камни. Плотные веки опустились, глаза погасли.

Наверху голоса стали громче, но Иггельд не поднимал головы, черненький дракончик начал хоть и слабо, но чмокать сам. Остальных Иггельд отпихивал растопыренными пальцами, больно бойкие, перебьетесь, и так уже как быки, топчете моего чернышика, моего чернулика, самого жалобного дракончика на свете...

Черныш налопался так, что заснул, не выпуская соска из порозовевшей пасти. Лапки дергались, словно полз к теплому боку.

Иггельд потихоньку оставил его там, попятился, только возле корзины повернулся, переступил через борт, но прикоснуться к колесу не успел, корзина сама пошла вверх с большой скоростью. Когда поравнялась с краем, увидел, что за ручку бешено крутит Ратша, а у борта застыли: Апоница, престарелый Якун и молодой энергичный наездник Шварн. Смотрят выпученными глазами.

Апоница покачал головой, из узкой груди вырвался тяжелый вздох.

— Фу-у... ты рехнулся, малыш!.. Это же зверь, а в такой период на всех бросается!.. Вон Якун по ней как угодно топчется, метлой уши чистит, и то сейчас близко не подходит!.. А ты?

Ратша закрепил ручку, глаза сердито поблескивали, но на Иггельда посматривал с некоторым уважением.

— Как он, а? — сказал почти весело. — Подбежал так это по-хозяйски! Мол, отодвинься, дура.

Апоница сказал строго:

— Еще раз сотворишь подобное — больше с драконами не общаться!

Иггельд взмолился:

— Но я же знал, что не тронет!

— Откуда знал?

Иггельд растерянно переступил с ноги на ногу, развел руками. Неожиданно старый и рассудительный Якун сказал неторопливо:

— Апоня, остынь... Он, конечно, рисковал, не спорю. Ты,

Иггельд, больше так не делай, понял?.. А не тронула потому, что сам еще... щенок. Любого из нас сразу бы в ключья. И сожрала бы, как... как мясо. А он... гм... от него самого еще материнском молоком пахнет. Не сочла, что вот такое мелкое — угроза. Наверное, и его бы накормила!

Он захохотал, довольный шуткой, Иггельд побагровел от обиды, Апоница покачал головой.

— А что, все может быть. До сего дня за драконами ухаживали только взрослые.

Якун перестал хохотать, сказал серьезно:

— Это значит, что с помощью мальчика можно начинать заниматься молодым выводком намного раньше.

— Тогда уже с помощью мальцов, — буркнул Апоница. — Но где их взять столько? Это только Иггельд сумасшедший. Остальные грезят о мечях и кровавых схватках врукопашную. Впрочем, ты прав, этого мальчика я использую теперь на всю длину веревки.

С того дня Иггельд получил под личную опеку детенышей, но все равно для себя выделял этого самого жалобного дракончика, которого назвал Чернышом. Но главное, должен теперь спускаться в котлован и помогать драконихе с ее приплодом. Она вскоре привыкла и уже с третьего дня перестала грозно взрывать, когда массирует животики щенкам, чтобы опорожнили кишечник, а они на это жалобно пищали. Правда, после этого обязательно облизывала их сама, проверяя его работу.

Вообще-то с детства обожал драконов, грезил ими, лепил из глины их фигурки, говорил только о них и знал про драконов больше, чем иной из тех, кто их выращивал. Это и оказалось решающим, что Апоница, главный смотритель питомника, видя, как управился в тот раз, решил допустить к новорожденным, хотя мальчишка из чужаков, переселившихся в их город недавно, не имеет чести принадлежать к привилегированной касте повелителей драконов.

Иггельд с восторгом принял все, что касалось дракончиков: чистку, кормление, уборку нечистот, трехразовое приготовление пищи. Их приходилось постоянно щупать, массировать толстые животики, но делал все с удовольствием, счастливо, и Апоница, наблюдая за ним, уверился, что мальчишка

на своем месте. Да и характер ровный, сильный, спокойный, твердый и терпеливый. Как раз то, что нужно, чтобы день за днем поворачивать воспитание дракона в нужном человеку направлении и так же терпеливо изживать то, что повредит потом.

Иггельд с жалостью видел, что эти детеныши грозного дракона — всего лишь ящерицы, у них нет своего тепла, греются только под горячим материнским боком да еще у него за пазухой. Только к концу недели у них появилось собственное тепло, хоть и очень слабенькое, начали открываться глаза и уши, но по-прежнему ничего не различают, судорожно тыкаются мордочками во все стороны, стараясь понять, что же за пятна появились в их уже привычном темном мире.

Ползали только на передних лапках почти месяц, и все это время упорно следил, чтобы более сильные не отгесняли Черныша от задних сосков, где молока больше всего. Уставал дико, до изнеможения. Однажды Апоница, не обнаружив его вместе с остальными работниками, подошел к котловану и увидел, что мальчишка скрючился под боком у драконихи. Апоница пару раз окликнул, но измученный малец спал мертвецки, а дракониха подняла голову и посмотрела с явным раздражением.

— Все-все, — сказал Апоница торопливо. — Ты права. Во всем права, не сердись... Я ухожу.

На следующий день ничего не сказал мальчишке, только начал присматриваться внимательнее. Тот уже настолько пропитался запахом дракончиков и так примелькался, что Якун прав: она уже допустила бы и до сосков. А возможно, так и бывало, ведь, чтобы пообедать, надо долго выбираться из котлована в корзине, а для Иггельда любое расставание с драконами кажется наказанием.

Правда, в первое время заботиться приходилось больше о самой драконихе, чем о ее выводке. Чтобы молока хватало на всех, ее кормили особо обильно. Перед ней, стараниями Иггельда, всегда стояла бадья с водой, он чистил огромное закованное в костяные доспехи тело, скреб, топтался на спине и колотил по бокам, она сладострастно кряхтела и пробовала перевернуться на спину, а он истошно орал, чтобы не задавила детей.

Правда, они сами поднимали визг, едва прижимала кому-то хвостик или лапку, но Иггельд тоже бдил, как никто. В резуль-

тате только у нее выжили и уцелели все двенадцать детенышей, небывалое дело; когда выживала треть, считалось событием.

Апоница хмурился, качал головой.

— Перестарался, — сказал он недовольно. — Слабые должны умереть. Природа всегда отбраковывает слабых!.. А ты выходил всех. Ну и что? Допустим... только допустим!.. что слабые и дальше выживут и вырастут. Тогда и они дадут потомство. А уж оно точно будет большим и хилым.

— Черныш не слабый! — запротестовал Иггельд.

— У тебя доброе сердце, — упрекнул Апоница.

— Это плохо?

— Вообще-то хорошо, но доброта бывает малая и большая.

— Как это?

— А вот смотри. Ты пожалел самого слабенького, это хорошо, выказал доброту, не дал ему умереть. Теперь вырастет, даст потомство. Слабое. Уже не один слабый, а двенадцатеро. Придется убивать уже двенадцать детенышей... А разве одного убить труднее, чем двенадцать? Но если оставить жить, то в бою не покажут всей драконьей мощи. Или струсят... Или накинута, без команды, не разбирая ни своих, ни чужих. Вот так малая доброта может привести к большой... гм... недоброте. Недоброте к людям и драконам.

Иггельд с тоской смотрел на крохотного дракончика, что уже ползал за ним на подгибающихся лапках, падал, скулил от горькой обиды, что могучий друг перестал обращать на него внимание.

— Он не слабенький, — выговорил он наконец, — он просто... отстает от других!

Апоница вздохнул. Широкая ладонь опустилась на голову мальчика.

— Ладно, почаще перекармливай к задним соскам. Там молока больше. А потом начинай подкармливать мясом. Первую неделю придется жевать для него самому.

— Все сделаю!

— Но материнским молоком старайся как можно дольше, — предупредил Апоница. — Ничто не сравнится с материнским! Никакая еда.

Самые крепкие и сильные дракончики пробовали взбираться на спину мамыши, у нее панцирь весь из плотно подог-

нанных костяных плит, крохотные коготки легко цеплялись за едва заметные щелочки, Иггельд не понимал, почему сразу настораживается и, едва начинают приближаться к загривку, грозно взрывается, слегка встряхивается, и все позорно катятся, как со снежной или покрытой травой горки.

Один, самый шустрый, сумел добраться до металлического штыря в ее загривке. Иггельд видел, как все ее тело конвульсивно дернулось, она приподнялась на всех четырех лапах и тут же рухнула обратно, но, к счастью, никого не придавила.

Теперь уже сам перехватывал шустряков, затеявших опасную игру в наездника драконов, ссаживал. Драконица сперва следила с недоверием, потом то ли поняла, то ли увидела, что не обижает детей, тяжело вздохнула и опустила в полудреме тяжелые кожаные веки.

Однажды драконица начала беспокоиться, даже отпихивала требовательно пищащих щенков. По совету Апоницы Иггельд подстриг им быстро подрастающие коготки, и драконица успокоилась, позволяла подолгу теребить соски лапками, выдавливая остатки молока.

Через две недели Иггельд заметил, что дракончики часто пищат, много ползают и перебирают соски. Пришлось давать матери мяса на треть больше, щенки успокоились на целую неделю, затем все началось снова. Пробовали увеличить норму еды для матери, но все равно лежала исхудавшая, тощая, обессиленная.

Это был сигнал, что пора начинать прикорм. Иггельд так и сделал, но слабенького Черныша продолжал прикладывать к задним соскам. Остальные жадно глотали коровье молоко, потом молоко с куриными яйцами, затем уже пережеванное мясо, только Черныш еще целую неделю питался материнским молоком, но затем прорезались зубки, мать стала отпихивать кусачего, и Черныш поневоле перешел на мясо.

Детеныши сильно мерзли, от холода погибает почти треть, Иггельд своего любимца брал на руки и даже совал за пазуху, где тот отогревался и засыпал. Во сне крохотные лапки потешно дергались, а губы плямкали и вытягивались трубочкой: продолжал сосать материнское молоко.

Драконица не обратила внимания, когда ушел с Черны-

шом за пазухой к корзине, покрутил колесо и поднялся наверх. Весеннее солнце греет уже сильно, хотя воздух холодный, Иггельд сел на край каменного заборчика, потихоньку приоткрыл рубашку, чтобы дракончик увидел солнце. Он в самом деле увидел, фыркнул, зажмурился, потом попробовал ухватить зубами, а когда не получилось, вытянул переднюю лапку.

Иггельд засмеялся:

— Не достанешь!.. До него даже Ратша не дотянется. Лучше грейся, солнышко — это хорошо...

Сбоку раздался негромкий голос:

— Это с кем разговариваешь?

Апоница подошел, редкие брови удивленно всползли на лоб. Был он худой, сгорбленный, костлявый, уже немолодой, но семьи у него, говорят, так и не было, из-за драконов, по слухам, так и не успел связаться с достойной женщиной, а недостойные сами не стремились связывать себя прочной веревкой брака.

— Я его на солнышко, — пролепетал Иггельд испуганно. — Я сейчас обратно, это на чуть-чуть... Она видит, что я ничего, что я только на солнышко...

Дракончик с любопытством смотрел на Апоницу, но пахнуло свежим ветерком, мордочка недовольно сморщилась, он юркнул обратно, видно по вздувающейся рубашке, как топчется, устраивается поудобнее.

— Приручаешь? — спросил Апоница. К удивлению Иггельда, сел рядом на прогретый солнцем камень, с удовольствием запрокинул голову, подставляя белое изрытое морщинами лицо уже жарким лучам. — Это бесполезно...

— Я его просто люблю, — возразил Иггельд.

— Это другое дело, — проговорил Апоница. Глаза закрыл, прямое солнце убрало тени от морщин, лицо казалось почти молодым. — А приручать — бесполезно...

— Почему?

— Драконы все еще звери дикие, — разъяснил Апоница. Повернул голову, приоткрыл один глаз. Увидев непонимание в глазах Иггельда, с улыбкой добавил: — Как и кошки.

— Кошки? — переспросил Иггельд. Оглянувшись, совсем недавно через дорогу перебежала тощая кошка с мышью в зубах, переспросил: — Разве кошки... дикие?

Апоница снова опустил веки, тяжелые и набрякшие, как

кожистые шторы на выпуклых глазах дракона, сказал мягко, наслаждаясь теплым солнышком, весной, чистым воздухом, пока ветерок относит вонь из котлованов в другую сторону:

— А ты сам подумай... Возьми для примера свинью. Как зовется свин?.. Правильно, кабан. А их детеныш?.. Верно, поросяенок. А если взять кобылу?

Иггельд ответил послушно, еще не понимая, к чему клонит старый смотритель:

— Кобыла, конь, жеребенок.

— Корова?

— Корова, бык, теленок!

— Видишь, как у всех свои названия. А у собаки?

— Кобель, сука, щенок. Еще можно — пес... Понимаю, овца, баран, ягненок, а у кошки только: кошка, кот, котенок?

Апоница кивнул, голос ласковый, он жмурился и нежился, как кот на солнце.

— Видишь, сам разобрался. Для домашних у нас есть названия для всех, а для диких — одно. Вот если волк, то как ни крути, а есть только волк, волчица и волчонок. Так и дракон: нет своего названия для самки, для детеныша.

Иггельд возразил:

— Но ведь кошка не дикий зверь!

— Дикий, — ответил Апоница просто. — Слишком мала, чтобы охотиться на людей, но ей хватило ума, чтобы жить среди людей, раз уж не охотятся на нее. Мышей в людских поселениях больше, чем в лесу или степи, там нет таких складов с зерном, вот кошки и прижились, приспособились. А были бы с крупных собак или же с телят, то вполне охотились бы на людей. Нет кошки, что выскакивала бы навстречу хозяину, как выбегает пес, ни одна кошка еще не визжала от радости, не прыгала ему на грудь, не тосковала о его гибели, не пыталась защититься! Точно так же и дракон на человека не очень-то обращает внимание. Подчиняется, как подчиняются нам кошки, когда уступают дорогу, опасаясь пинка.

Иггельд вытащил из-за пазухи и поднял черненькую жабу ближе к лицу. Тотчас же выметнулся розовый язычок, и, как ни быстро Иггельд отодвинул дракончика, тот успел лизнуть в нос. Все четыре короткие лапки протестующе махали, стараясь зацепиться за воздух. Дракончик извивался всем телом, но Иггельд держал крепко, начал почесывать горбатую спинку, и дракончик сразу разнежился, лапки повисли, пасть при-

открылась, а выпуклые глаза смотрели на огромного человека с обожанием.

— Не знаю, — ответил он слабо, — но я его люблю. Очень люблю!.. И он меня... тоже.

Апоница сказал грустно:

— Пока что чувствует от тебя тепло и ласку. Ладно, неси обратно. Это плохо, что привыкаешь.

— Плохо? Почему?

Апоница нахмурился, голос прозвучал глухо:

— Плохо.

Глава 2

Он самозабвенно возился в котловане с этими быстро растущими ящерицами, когда высоко над головой зазвучали незнакомые голоса. У барьера появились богато одетые люди, дородные, в теплых одеждах из дорогого и редкого меха. Апоница склонился над каменным барьером, указывал вниз, что-то говорил быстро и заискивающе.

Иггельд ощутил недоброе, рядом с Апоницей появился Якун, тоже взволнованный, лицо побледнело, покрылось красными пятнами, будто переел лисьих ягод. Иггельд уловил быстрый взгляд, что бросил на него Якун, уловил незаметный взмах руки, но не понял, что надо делать, на всякий случай перестал играть с детенышами и пошел менять воду.

Апоница крикнул:

— Иггельд, раз уж ты там, возьми дракончиков и отнеси по одному вон к тому краю!

Иггельд, гордясь силой, схватил сразу двух, отнес, пыхтя, в указанное место. Один из богато одетых сказал, смеясь:

— Крепкий мальчишка!.. Уж его точно выбраковывать не стоит.

Другие тоже смеялись, кто искренне, кто угодливо, но все внимательно следили, как детеныши, разлученные с матерью, с жалобным визгом поползли обратно. Их задние лапы волочились, как перебитые, оба скулили, дракониха вскинула голову и смотрела внимательно. Апоница прикрикивал повелительно, удерживая ее на месте. Малыши совсем выбились из

сил, один полз все медленнее, другой распластался и жалобно скулил.

Иггельд хотел подбежать и отнести, но Апоница сказал незнакомым голосом:

— Стоять!.. Не мешай.

Первый дракончик кое-как дополз до материнского брюха, ткнулся мордой в теплое вымя, но так измучился, что сразу заснул. Второй начал ползти, снова остановился, опять прополз пару шагов...

Иггельд услышал голоса:

— Я полагаю, со вторым ясно...

— Да, конечно.

— Погодите, — возразил третий голос, — может быть, остальные будут такими, что и второй покажется бегуном.

— Да, вы правы, сперва пересмотрим всех...

— Запомнили, у этого хвост почти белый?..

Апоница кивком позволил Иггельду отнести к матери и второго, сказал:

— Донесешь еще двух?

— Легко, — ответил Иггельд, деваться некуда, хотя в тот раз думал, что глаза лопнут от натуги, дракончики прибавляют в весе с каждым днем. — Туда же?

— Да.

Он отнес и остановился, приходя в себя, а дракончики резво поползли обратно. На этот раз добрались к матери без передышек и остановок, почти вровень. Апоница кивнул удовлетворенно, но лицо оставалось все еще встревоженным.

Третья пара тоже оказалась резвой, хотя второй отстал, и намного, но просто первый не полз, а почти бежал. Иггельд видел, что этого взяли на заметку особо, указывали Апонице, он кивал и улыбался. Четвертая пара была последней, которую Иггельд донес, да и то дважды ронял по дороге, потом, к его стыду, пришлось носить дракончиков по одному. Правда, оставалось всего четверо.

Сердце его похолодело; наконец-то дошло, что эти нарядные и празднично одетые люди и есть те безжалостные убийцы, что всякий раз обрекают на смерть половину, если не больше, любого потомства вот так в первый же отбор. А потом, через два месяца, и второй, когда снова половину на смерть, останется только трое, а потом и вовсе один...

В глазах закипели слезы. Последние два ползли вяло, хотя

выглядят крепкими и здоровенькими, то ли переели, то ли хотят спать, но ползут едва-едва, два таких толстеньких комочка, по дороге тычутся мордочками во все выпуклости, отыскивая теплый бок матери.

Голоса над головой раздавались недолго. Когда Иггельд всех детенышей расположил у матери под брюхом и поднял взгляд, над барьером оставался только Апоница. Иггельд потащился, донельзя усталый, к корзине. Апоница сам взялся за ручку, начал вертеть, а Иггельд вертел вторую, внизу, так поднялся вдвое быстрее.

— Якун повел их угощать, — объяснил Апоница. Он усмехался, но в глазах была грустная ирония. — От них многое зависит...

— Почему?

— Знатоки, — объяснил Апоница лаконично.

Они сели рядом на каменный заборчик, Иггельд чувствовал, что и бывший наездник драконов испытывает к нему симпатию, хотя ему, Иггельду, едва исполнилось четырнадцать, а наезднику, подумать только, какой старый, уже почти пятьдесят!

Иггельд спросил тоскливо:

— Ну почему, почему отбор так рано?

— Ты же сам видишь, — сказал Апоница с мягким упреком, — кто из них едва жив, а у кого тельце сильное и крепкое. Это видно уже на вторую-третью неделю. Но только через два месяца станет видно, какой детеныш смирный, какой трусливый, а какой чересчур злобный. Мы и так первый отбор проводим только в этом возрасте, чтоб уж совсем точно, хотя напрасно переводим драконье молоко. Потом проводим отбор уже среди сильных, но отбраковываем крайности: чересчур трусливых и чересчур раздражительных... Тут затягивать нельзя, потом вставлять штыри поздно. Или очень трудно. Уже бывало нехоршее...

Иггельд помрачнел. Хоть и говорят, что в раннем возрасте дракончики еще ничего не чувствуют, но почему же они тогда так жалобно кричат, визг и писк доносятся даже до города? И зачем их напаивают дурман-травой?

— Один штырь, — сказал Апоница, словно ощутив мысли мальчишки. — А раньше вживляли в шею три!.. Да, на старых рисунках у дракона три штыря. И наездник сидел чуть ближе к спине, штыри на расстоянии растопыренных рук. А теперь

мы научились пользоваться одним, дракону не так больно... Иггельд, не переживай так! Разве коню не больно от шпор? Разве не пользуются плетью, хлыстом? А удила, которыми всадник рвет коню рот, тому в радость?

Через две недели, помнил Иггельд, старшие зрители придут снова. Черныш едва-едва в прошлый раз прошел отбор, но сейчас из шести оставшихся если не самый слабенький, то почти самый, другие уже дерутся друг с другом, играя, а Черныш отползает в сторону и смотрит на них большими непонимающими и, хуже всего, испуганными глазами.

Он безвылазно находился в питомнике трое суток, почти не покидал котлована, чтобы не пропустить Хоту Золотой Пояс, главного оценщика. Тот явился после сытного обеда, устроенного в его честь в доме главного зрителя драконов. За ним неспешно двигались, посапывая и сыто взрыгивая, шестеро членов городского совета.

Иггельд взял на руки Черныша, тот сразу попытался вскарабкаться ему на плечо, Иггельд не пустил, прошептал на ухо:

— Ты должен показать себя сильным и здоровым!.. Постарайся! Я очень тебя прошу!

Наверху заблистали яркие одежды, он отпустил Черныша к остальным, тот сразу заспешил к маминому брюху. Над барьером показалась голова главного оценщика, Хоты Золотой Пояс, рядом появились еще четверо, все рассматривали дракониху и ее потомство холодно и оценивающе. Хотя окинул взглядом молодняк, нос поморщился, Иггельд вздрогнул, когда сверху донесся неожиданно резкий неприятный голос:

— Эти два слева чересчур нежные. Медленно соображают, суетливые, костяк хрупкий, утонченны. Мускулатура слабая, плоская. Суставы нерельефные, грудь узкая... Такие часто болеют, до взрослости обычно не доживают, их нужно кормить особо, беречь от жары, холода, ветра, даже от дождя... тьфу! Что вы мне показываете?

Апоница сказал суетливо:

— Это те, что остались от прошлого отбора! А взгляните на вон тех двух...

Иггельд тоже посмотрел на дракончиков, те в сторонке затеяли возню друг с другом, а сверху тут же раздался брюзжащий голос:

— А эти суховаты. Такие возбуждаются по любому поводу, бросаются на стены, а когда надо в бой, уже лежат с высунутыми языками. Эти покрепче, чем те... нежные, но все равно для боя не годятся. Нет, они не струсят, но зачем вам, чтобы бросались в бой, не слушая команды?

Подошел еще один, Иггельд не знал, кто это, не из дракозников, тогда бы узнал, явно один из тех загадочных и страшных людей, что дают деньги на прокорм, дают то больше, то меньше, а могут, как не раз он слышал разговоры взрослых, могут и вовсе перестать давать, драконы почти не приносят прибыли. Он держался гордо, спесиво, перед ним гнулись, а он заговорил громко и важно, любуясь каждым словом:

— По голове дракона можно понять о нем все! Величина головы и выступающие кости говорят о развитости всего костяка, грубости или нежности телосложения. Голова дракона бывает грубой, тяжелой или сухой...

Иггельд посматривал на дракозников, слушают эту чушь, как будто слышат впервые, ни один не повел даже бровью, когда этот важный заявил, что у здорового дракона кончик носа всегда влажный, если не спит, конечно, и не болен, ни один не сказал, что здесь это все дети знают, молчали и кивали, пока он не устал или не сказал уже все, что знал о драконах...

— Ну-ка, — раздался наконец сверху рычащий голос Хоты, — давай собирай всех в корзину...

Иггельд не понял, что и зачем, послушно носил детенышей, дракониха подняла голову и наблюдала за ним, а когда он отнес последних, забеспокоилась, поднялась, явно намереваясь пойти следом и в пасти попереносить всех обратно.

— Давай! — раздался сверху голос.

Раздался страшный хлопок с треском, Иггельд невольно вздрогнул, это наверху кто-то ударил дубиной по туго надутому бычьему пузырю, и тот лопнул. Одновременно упали стенки корзины, трое детенышей с жалобным писком помчались к матери, Черныш спешил третьим, но не потому, что испугался меньше, он от ужаса спотыкался и падал, в то время как другие неслись почти прыжками, добежали до материнского брюха и прижались, дрожащие, перепуганные.

Лишь трое щенков не бежали, хотя один сперва было выскочил, но тут же начал с любопытством осматриваться, отыскивая, что же это за странный новый звук. Двое остались в

корзине, один рыча скалил зубы, а второй пытался взьерошить несуществующий гребень на спине.

Сверху послышались голоса:

— Я думаю, все ясно...

— Да, не пришлось долго отбирать...

— Удачно, что все они проявили себя так явно.

— И так ярко! Никаких колебаний.

— Вы тоже так думаете? Тогда на этом и решим. Апоница, из этих трех одного отберем через неделю, а тех можете сегодня же... Поздравляю, эти показали себя неплохо. В прошлом potete, как вы помните, только один не струсил. Да и то, gm, можно сказать, с натяжкой.

Голоса отдалились, истончились, стихли. Дракончики, не слыша повторения странного звука, пошли к матери. Пошли неспешно, без страха, с достоинством. Иггельд потерянно смотрел на Черныша, в глазах защипало, испуганный дракончик задрожал и расплылся, а его огромная мать как будто вошла в огромное серое облако и ворочалась там, утробно вздыхая.

Ноги дрожали, он весь трясся, как осиновый лист, а когда пошел к корзине, его повело в сторону, и он ударился о каменную стену. Наконец перенес ноги через край, ухватился за ворот. Пошло очень легко, а когда поднялся, Апоница закрепил ручку и сделал шаг навстречу. Морщинистое лицо старого наездника было грустным, в глазах Иггельд увидел море сочувствия.

— Сядь, — предложил Апоница мягко, — переведи дух. День был трудным и... тяжелым.

Иггельд вскричал, слезы брызнули из глаз:

— Что, это все? Все?

— Все, — подтвердил Апоница.

— Так быстро?

— На этот раз... да.

Он заплакал громче, плечи затряслись, рыдания распирали грудь и становились комом в горле.

— Но разве так можно? Так просто?

— Это жизнь, — сказал Апоница.

— Я не отдам!.. Я не отдам его убивать!

Апоница с сочувствием привлек его к себе на грудь, широкая шершавая ладонь с твердыми мозолями с неловкостью прошла по спине, по плечам, пригладила волосы.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Думаешь, я с легким сердцем отдаю на смерть? А чего же я тогда в такие вот дни напиваюсь... трое суток меня корчит! А за все эти годы должен бы привыкнуть, как думаешь?

Иггельд оторопел, даже слезы высохли. Неверящими глазами смотрел на главного зрителя. Да, все знали, и он знал про запои лучшего знатока драконов, но как-то не приходило в голову связать их с отбраковкой молодняка.

— Как же вам тогда плохо, — вырвалось у него.

— Очень, — признался Апоница. — Но что делать? Ты можешь предложить другой выход?

Иггельд дернулся.

— Нет, не могу!.. Но и отдать Черныша на смерть не могу. Это же мой... Я его с рук кормил! Он мой палец сосет, когда спит. Он такой теплый, такой ласковый... Он все понимает!

— Он слабый, — обронил Апоница грустно.

— Он не слабый!

— Слабее других, — уточнил Апоница.

— Ну и что?

— Для дракона, малыш, это самое главное — не быть слабым. И так намного слабее людей... в сравнении, конечно. У человека почти все рождаются нормальными, уроды — редко. У драконов почти все уроды, ты сам видел безглазых, безлапых, двух- и трехголовых... Другие вроде бы с виду нормальные, но не смогут давать племя, у кого-то не отрастут крылья, иные помрут от неведомых болезней... Это все наказание, как говорят маги, за грех подражания Творцу. А по-моему, никакое это не наказание, а просто неумение сотворить живое. Одно дело Творец, другое — эти критиканы, что решили утереть нос старику и показать, как надо. Так что, если хотим спасти драконов, должны заранее отбраковывать всех, кто помешает полноценным. Иггельд, мы могли бы прокормить вдвое больше драконов. Даже втрое!.. Но отбираем только самых здоровых. И то, сам видишь, сколько больного потомства от этих самых здоровых.

Он говорил тихо, с болью, потрясенный Иггельд наконец смутно ощутил ту огромную тяжесть, которую несет на себе зритель, но тут же душа испуганно запахла, он вскрикнул:

— Я ничего не хочу понимать! Я не хочу, чтобы мой Чернышик умер! Не хочу, чтобы его... убили.

Апоница привлек его к себе, широкая заскорузлая ладонь гладила по голове, а Иггельд, уже не сдерживаясь, рыдал навзрыд. Плечи вздрагивали, весь трясся, слезы выходили трудно, уже не светлые детские, а горькие мужские, слезы жгучей потери.

Апоница сказал мягко:

— Пойди погуляй. Если хочешь, отдохни день-другой. Работал тяжело, за троих взрослых мужчин. Заслужил отдых. А потом, когда наберешься сил, приходи.

Иггельд спросил горько:

— А Черныша за это время убьют?

— Не Черныша, — объяснил Апоница, он поморщился. — Я всегда против того, чтобы давать имена детенышам. Потому они как будто уже... ну, почти люди. Даже больше, чем люди. Родственники! Не Черныша убьют, а среди детенышей выберут самого сильного, понял? И отважного. Так это называется. Называется правильно.

Иггельд покачал головой.

— Черныша... Черныша убьют...

Апоница помрачнел, сказал зло:

— С сегодняшнего дня всякого, кто даст имена детенышам до последней выбраковки, — выгоню! И назад не приму. Путь Куявии — уменьшать страдания человеческие.

Закат на редкость долгий, а облака громадились в несколько этажей, снежно-белые вверху и раскаленно-красные снизу, даже видно, как пылают днище, рассыпаясь на пурпурные угли. Ночь не приходила и не приходила, он измаялся, истомился, наконец пурпур на небе сменился багровостью, а та уступила темной синеве, на смену которой наконец-то пришла звездная чернота горной ночи.

Он прокрался из дома, дядя уже заснул, как и его жена с детьми, воздух снаружи показался даже теплым, хотя на самом деле не успел остыть после теплого июньского дня. На улице тихо, от корчмы доносятся шум, песни и треск табуреток.

У котлована горят два смоляных факела, а над местом, где раньше спускали лестницу, а теперь — корзину, настоящий фонарь с двойными стенками из бычьего пузыря. Корзины нет, он пометался вдоль котлована, пока не наткнулся на за-

пертый сарай. Замок огромный, а ключ, как он помнит, только у Апоницы.

Сердце застыло, похоже, Апоница что-то чувствует, никогда раньше не запирали корзину. Никто в здравом уме не полезет ночью в котлован к драконихе с ее выводком, а если и полезет, то таких не жаль, среди людей тоже нужна чистка от больных, слабых и дураков.

Он уже отчаялся, когда вспомнил о мастерской Якуна, у того всегда на стенах мотки веревки. Волосы встали дыбом от одной только мысли, что украдет, нарушит, по всему телу пробежала волна страха. Поколебался, однако ноги уже несли к мастерской, дрожащие пальцы тихохонько взялись за дверную ручку.

Отворилось без скрипа, через окошко падал слабый лунный луч, но и без него Иггельд отыскал бы веревки, их здесь множество: толстых, тонких, гладких, как будто смазанных жиром, и мохнатых, будто со вставшей дыбом шерстью.

Вскоре, закрепив веревку за столб у заборчика, спускался по темной стене в еще большую темноту. Сильный запах могучих зверей достиг ноздрей внезапно, Иггельд успел удивиться, почему же раньше не обращал внимания, потом подумал, что днем и так много впечатлений, а сейчас в полнейшей темноте только и надежда на запахи...

Ступни наконец коснулись твердого. Иггельд постоял, прислушиваясь, но лунный свет не доставал до дна котлована, тот казался перерезанным наискось пополам: верхняя часть залита слабым призрачным светом, извиваются струйками воздушные потоки, поднимаются, а здесь придется идти на ощупь...

Впереди послышался грозный всхрип. Иггельд остановился, прошептал:

— Это я, Иггельд!.. Не раздави меня нечаянно.

Дальше продвигался, стараясь не поднимать ноги высоко, чтобы не опустить на спину или голову нечаянно отползшего дракончика. Запах становился сильнее, в лицо пахнуло жарким и влажным теплом, он догадался, что стоит перед пастью драконихи. В темноте вспыхнули, казалось, два светильника, желтые, приглушенные, Иггельд застыл: никогда раньше не видел, что у драконихи глаза светятся.

— Это я, — повторил он с трудом. Плечи затряслись, он повторил: — Это я... Дай мне Чернышика... я просто поиграю

с ним. Дай, я ему не сделаю больно... Я сберегу, я его люблю... Ему со мной будет хорошо...

Наклонившись, он щупал спинки, тельца, и одно извернулось под его пальцами, руку пригнуло к земле, и по ней поползло, вгоняя острые коготки в старенькую одежду из невыделанной кожи, тяжеленькое существо.

— Чернышик, — прошептал Иггельд с нежностью. — Мой горбатенький... Сам почувал меня...

Он поднялся, в полутьме смутно виднелась огромная серая масса, огромные, как миски, желтые глаза рассматривали немигающее пристально. Пахнуло тяжелым животным теплом.

— Я его спасу, — прошептал Иггельд. — Я вынесу отсюда и... спасу! Это не похищение, понимаешь?

Он начал отступать, не сводя взгляда с этих горящих недоверчивых глаз. В темноте послышался мощный вздох, в лицо ударила тугая волна перегретого влажного воздуха, чуть не сбила с ног. Глаза медленно гасли. Иггельд, едва не падая, повернулся и поспешил к стене.

Черныша пришлось пересадить на плечо, дракончику там не понравилось, попробовал забраться на голову, едва не свернул шею. Растопыренные пальцы наконец ухватили веревку, Черныш в это время переползал с плеча на плечо и едва не сорвался, но с такой силой вонзил когти, что проткнул коготками ветхую кожу рубашки насквозь. Боль стегнула по всему телу, хотя Черныш вцепился только в шею.

— Сиди тихо, — прошептал Иггельд. — Иначе я не смогу тебя спасти!

Он начал подниматься по веревке, ее раскачивало, Черныш похрюкивал, уверенный, что это новая игра, и поглубже вонзал коготки. Иггельд добрался до края в полуобморочном состоянии, по спине под рубашкой ползли теплые капли. Он перевалился через край, упал, стараясь не придавить Черныша, из-за чего больно ударился о камни лбом, ночь на мгновение озарилась искрами, но только он сам, ослепленный, ничего кроме искр не увидел.

Домой пробрался тихонько-тихонько, но здесь везение кончилось: со второго этажа по лестнице спуускался дядя, ступеньки поскрипывали под грузным телом, в ночном халате, в растоптанных башмаках и с фонарем в руке.

— Так вот ты где? — сказал он ворчливо. — Все бегаешь по ночам? Воровать начал, что ли... Боги, что это у тебя?

Черныш, сидя у большого и всемогущего друга на загривке, смотрел бесстрашно и с любопытством. В больших зеленых глазах отражался маленький толстенький человечек с непонятной штукой в руке, надо попробовать ее на зуб. Ортард отшатнулся, едва не выронил фонарь.

— Это дракончик, — сказал Иггельд торопливо. — Его зовут Черныш.

— Что за Черныш?

— Он ласковый и добрый...

— Убери эту гадость! — вскрикнул Ортард. — Это что же за толстая жаба... или раскормленная ящерица в моем доме! Выброси ее, сковырни... сошвырни с себя!

— Это Черныш, — торопливо повторил Иггельд. Голос дрожал, он почти захлебывался словами: — Его нельзя выбрасывать, он стоит дорого!.. Правда, дорого! Вы же знаете...

Ортард приблизил с опаской фонарь, Иггельд отвернул голову, ослепленный, а Ортард, морщась и зло кривя губы, рассматривал Черныша, а тот с интересом рассматривал огромного человека с непонятной светящейся штукой в руке. Здесь, в теплом и надежном месте, совсем не страшно. Всегда можно быстренько сползти вниз и спрятаться за пазуху, там тепло, уютно и безопасно.

— Зачем принес? — спросил Ортард все еще враждебно. — Отнеси и брось обратно в яму!

Он стоял на лестнице, загораживая дорогу наверх. Иггельд потоптался на месте, осторожно попытался снять Черныша, тот еще сильнее вогнал когти в ветхую одежду, снова зацепив тело. Иггельд постарался не дрогнуть лицом, а Черныш, очутившись на руках, довольно захрюкал и начал умащиваться поудобнее, из-за чего Иггельда раскачивало, как тростинку на ветру.

Привлеченная громким голосом, в боковых дверях спальни показалась заспанная жена Ортарда, достославная, ее так и называли, достославная Греманна. Волосы цвета старой соломы стояли торчком, заспанное лицо походило на грудку недожаренных оладий, глаза едва смотрели из щелей между припухших век.

— Что за шум? — спросила она недовольно. — Дети ж спят...

Увидела Черныша, рот округлился для вопля. Ортард сказал торопливо:

— Не вопи! Город перебудуешь.

Греманна посерела, и без того серое и рыхлое лицо стало уже не горкой оладий, а свернулось в ком сырого теста. Иггельд с тоской вспомнил, что никогда не позволяла ни ему, ни своим забитым детям даже спрашивать о щенке или котенке. Однажды Чилбук и Кеич, младшие дети Ортарда и Греманны, подобрали и притащили домой жалобно мяукающего котенка, так она по возвращении вышвырнула в окно, детей нещадно выпорола. Котенок, не разобравшись, вернулся в дом, где дети снова накормили и обогрели, она выпорола детей еще жестче и велела занести эту гадость подальше и утопить.

Сейчас он в беспомощности переступал с ноги на ногу, наконец собрался с духом, выпалил:

— Это Черныш!.. Он самый умный!.. Но его смотрители сегодня убьют...

Ортард спросил рассерженно:

— За что?.. Хотя убьют и убьют, им виднее.

— Он не самый быстрый, — ответил Иггельд. — А им нужен самый быстрый...

Ортард сказал резко:

— Все. Хватит болтовни! Ты явился с этой гадостью, перебудил всех, а теперь еще хочешь занести эту дрянь в дом? Так?

— Так, — ответил Иггельд упавшим голосом. Самому теперь показалось глупым, просто куда еще мог пойти. — Я... я только зайду наброшу на плечи что-нибудь... а то холодно...

— Ночью всегда холодно, — фыркнул Ортард. — Мы ж не на равнине, здесь горы, если заметил! Ладно, иди. Но я не ухажу спать! Подожду здесь, пока не унесешь эту пакость!

Иггельд торопливо проскользнул в комнатку. Чилбук и Кеич спали, но Елдечук, старший сын Греманны, проснулся, тер глаза, таращился сонно.

— Ты че? — спросил он сонно. — Ты это... ой, че это у тебя?

Иггельд осторожно опустил Черныша на пол. Тот замер, опасливо приглядываясь и принюхиваясь, прежде чем сделать шаг в незнакомом месте. Елдечук вытаращил глаза, свесился с постели. Иггельд торопливо перебирал нехитрые вещи, собрал теплое, сунул в мешок, взял лук, колчан со стрелами и повесил за спину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	95
Глава 9	106
Глава 10	120
Глава 11	135
Глава 12	149
Глава 13	160
Глава 14	173
Глава 15	186
Глава 16	199
Глава 17	208

ЧАСТЬ II

Глава 1	221
Глава 2	235
Глава 3	248
Глава 4	263
Глава 5	276
Глава 6	288
Глава 7	300
Глава 8	311
Глава 9	321
Глава 10	331
Глава 11	343
Глава 12	355

Глава 13	367
Глава 14	378
Глава 15	389
Глава 16	399
Глава 17	412
Глава 18	426
Глава 19	438
Глава 20	447
Глава 21	457
Глава 22	473
Глава 23	483
Глава 24	495
Глава 25	507
Глава 26	524
Глава 27	541
Глава 28	558
Глава 29	571

ЧАСТЬ III

Глава 1	585
Глава 2	592
Глава 3	601
Глава 4	613
Глава 5	626
Глава 6	636
Глава 7	649
Глава 8	662
Глава 9	675
Глава 10	688
Глава 11	698
Глава 12	712
Глава 13	722